

Этнография. Фольклористика

А. С. МАЛАХОВА, С. Н. МАЛАХОВ

НАРОДНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О БОЛЕЗНИ В РУССКИХ И НОГАЙСКИХ ПОСЛОВИЦАХ XVII–XVIII ВЕКА КАК ОТРАЖЕНИЕ СПЕЦИФИКИ ЭТНИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ МИРА*

В статье дается сравнительный анализ русских и ногайских паремий, выражающих оценочные аспекты концепта «болезнь». Рассматриваются сходства и различия в трактовке данного понятия в русской и ногайской паремической и этнической картинах мира.

Ключевые слова: восприятие болезни, паремия, русские и ногайские пословицы, этническая картина мира.

Пословицы и поговорки принадлежат к малым жанрам фольклора, они в лаконичной, но образной форме заключают в себе разного рода изречения с назидательным смыслом. При этом в пословицах отражаются бытовые реалии повседневной жизни народа, часто уже вышедшие из употребления, морально-нравственные, житейские, ментальные стереотипы, которые могут служить источником для реконструкции особенностей национального мышления и характера, малоизученных аспектов социальных отношений, особенностей культуры, религиозного мышления и т. д. Изучение пословиц и поговорок как особого исторического источника показано уже в одной из ранних работ по русской паремиологии И. Иллюстрова [1] и великолепно осуществлено в сравнительно недавнем монографическом труде Л. Н. Пушкарева [2]. «Медицинские» пословицы и поговорки западноевропейских народов становятся объектом изучения современных фольклористов, паремиологов и культурологов [3]. Сравнительный анализ народных представлений о болезни, отразившихся в паремиях, позволяет выявить, с учетом отсутствия или присутствия тех или иных сопоставляемых категорий, своеобразие национальных картин мира.

Задача этой работы – выявить на примере сопоставления русских и ногайских пословиц XVII – XVIII века этнокультурное своеобразие народных представлений о болезни, тесно связанных с понятиями «здоровье», «лечение», «смерть». Эти понятия являются своеобразными экзистенциальными константами этнической картины мира. Пословичные представления о болезни у двух народов в аспекте включения в них элементов новизны довольно стереотипны и малоподвижны, отражают навыки и модели поведения, сформировавшиеся еще в эпоху Средневековья, т. е. до семнадцатого столетия. Безусловно, записанные «речения» Раннего Нового времени восходят к тем образцам народной мудрости, которые существовали изустно еще в XV–XVI века, но проследить во всей полноте их преемственность в целом не представляется возможным по причине

отсутствия систематических паремиологических записей в Московской Руси. Как известно, до XVII века пословицы и поговорки, как и другие произведения фольклорного жанра, изредка появлялись на страницах повествовательных произведениях и в словниках. В народном эпическом словоупотреблении синонимом слова «пословица» была лексема «разговор», но с конца XVII в. термин «пословица» употребляется уже в современном смысле. С усилением интереса к произведениям устной народной поэзии в начале XVIII в., в частности к пословицам, их начинают собирать, записывать в алфавитном порядке в сборники и издавать [4].

В основу анализа рассматриваемой темы взяты русские пословицы и поговорки, отложившиеся в алфавитных списках паремий XVII–XVIII веков [5]. Выделенные по тематическому признаку из более чем 13 000 просмотренных паремических единиц, 180 пословиц, касающихся темы «болезнь», составляют примерно 0,014% от привлеченного пословично-поговорочного фонда. Основная часть анализируемых пословиц цитируется по собранию русских народных пословиц и притч, изданных известным фольклористом И. Снегиревым в 1848 году, когда В. И. Даль только еще готовил систематическое издание русских пословиц [6]. Ссылки на используемые пословицы и поговорки даются в тексте в круглых скобках: римская цифра – название сборника (указывается в примечаниях), через двоеточие – страница цитируемого издания.

Ногайские пословицы и поговорки записывались в 1905–1935 годах у астраханских, дагестанских, ставропольских и кубанских ногайцев просветителем А.-Х. Ш. Джанибековым и другими фольклористами; впервые на языке оригинала с русским переводом в количестве 88 единиц пословицы были опубликованы С. А.-Х. Калмыковой [7]. Ногайские паремии о болезни приводятся по изданию, подготовленному А. И.-М. Сикалиевым [8]. В количественном соотношении, из 400 ногайских пословиц и поговорок, привлеченных для анализа, пословицы о болезни и здоровье составляют примерно 17 паремических единиц, или

* Работа выполнена при финансовом содействии РФГФ по проекту № 14-11-23004.

0,04%. Различие в числовых показателях сравниваемых русских и ногайских паремических выборок вызвано тем, что письменная фиксация русских пословиц и поговорок начинается уже с конца XVII века. Напротив, у ногайского этноса, относящегося к младописьменным народам, записи паремий начинаются с начала XX века, поэтому общее их количество гораздо меньше. Однако рассматриваемый пословично-поговорочный фонд сформировался у русского и ногайского народов к концу эпохи Средневековья и отражает основные элементы средневекового мирозерцания, с той лишь разницей, что русское население вело оседлый образ жизни, а ногайское – кочевой. Впрочем, были отличия в конфессиональном и цивилизационном развитии. Православный русский мир вышел в XVII веке на рубежи создания национальной культуры и континентальной империи, в то время как «кочевая империя» ногаев, находившаяся в орбите исламской культуры, шла по пути децентрализации и упадка. Культурные различия мира оседлого и кочевого четко осознавались в ногайском обществе, что отразилось в пословице: *Всех людей в белых покрывалах не путай с лежащими в нижнем белье (Кочевой народ не путай с оседлым) / Ак буюркеншикти ятыр деме, коьшпели элди олтыры деме* (IV: 348). Тем не менее в сравнительно-сопоставительном аспекте любопытно проследить общее и особенное в этнических моделях мира на примере такой важной онтологической категории мировоззрения, как болезнь.

Здоровье у русских воспринимается как бесплатный дар Бога, как милость высших сил, которой человеку следует распорядиться правильно: *Бог дал здоровье в дань, а деньги сам достань*. Здоровье даруются Богом человеку вместе с жизнью, пока человек живет, он должен надеяться, что здоровье его не оставит: *Бог дал живот, Бог даст и здоровье*. Но человек находится во власти Господа, жизненное начало и неизбежность смерти – все зависит от него: *Бог дал, Бог и взял* (I: 17). Впрочем, человеку свойственно пренебрегать своим здоровьем: *Больной от могилы бежит, а здоровый к могиле спешит* (I:20). И только заболев, он осознает ценность здоровья, надеется на выздоровление вплоть до смертного часа: *Болящий здоровья уповает до смерти* (I:20). Русские считали, если человек сам заботится о своем здоровье, то его и Бог бережет (I:12), но при этом просили многолетия у Всевышнего: *Дал бы Бог здоровья, а дней много впереди* (I: 83). Трудовая деятельность считалась своеобразным залогом здоровья, поскольку лень, безделье, пассивность всегда осуждались и вели к физическим недомоганиям. Эта связь между трудом, который обеспечивал ежедневное пропитание крестьянину, его физическим состоянием и конечным результатом – здоровьем четко улавливает пословица – *Человека лень не кормит, а здоровье только портит* (I: 450).

У ногайцев было распространено понятие, что болезнь легче предупредить, чем лечить *Болезнь*

надо предупредить / Авырувдынъ алдын ал (IV: 333), а самое большое богатство, как считала народная мудрость и тех и других, – это здоровье.

В русских пословицах отразилось традиционное для Средневековья объяснение различных заболеваний вследствие порчи, от завистливого взгляда, «опризоривания», насылания болезни колдовством или знахарством. Считалось, если человек здоров, то никакие наговоры и магические действия завистников ему не страшны: *Здоровой урока не боится* (II: 25). Здесь «урок» – порча, сглаз, ворожба, особенно при случаях детских заболеваний.

У ногайцев фактически отсутствуют паремии, указывающие на теогоническую или магическую природу болезни, но это не означало, что они не верили во вредоносную магию. Часто у ногайцев встречаются пословицы, отражающие дуалистическое представление о природе человека, как неразрывном единстве души и тела. Хотя душа очень противоречива, и несовершенна, она в любом случае дорога человеку: *Плохому собственная душа очень дорога / Яманнынъ яны аявлы* (IV: 343). Она даже дорога в том случае, если *В душе человека есть логово льва / Аьдем юрегинде арслан ятыгы бар* (IV:316). Раны, нанесенные душе и телу заживают по-разному: *Рана, нанесенная саблей – заживет, рана, нанесенная языком – нет / Тил ярасы туьзелмес, кылыш ярасы туьзелер* (IV: 332). Негативное вербальное воздействие может вызывать угнетенное психическое состояние человека: *Доброе слово – пища для души, недоброе слово – надмогильный камень / Яман съоз – бас казыгы, яхшы съоз – ян азыгы* (IV: 333).

Русские считали также, что от состояния души зависит здоровье человека. Душевные переживания, отрицательные эмоции, депрессия могли отрицательно влиять на самочувствие человека, что подмечено в поговорке: *С радости кудри вьются, а с печали секутся* (I: 390); *Всякая болезнь к сердцу* (II: 8). Народная мудрость видела зависимость продолжительности жизни от доброго нрава человека: *Злому человеку не прибавит Бог веку* (I:143). В целом для русского менталитета все же было характерно противопоставление души и тела и отстаивание первоценности души, что не было в полной мере характерно для мышления кочевников.

В кочевнической иерархии представлений о смертельных опасностях для жизни болезнь занимает первое место, но на втором оказываются долги, что может характеризовать важную черту социальной жизни номадов: *Умрет не тот, кто задолжал, а тот, кто заболел / Борышлы оьлмес, шерли оьлер* (IV: 334). Большой угрозой является для организма недолеченная болезнь: *Вернувшаяся болезнь свое возьмет / Айландырган авырув алмай коймас* (IV: 333). Народная медицина обоих народов, в зависимости от вида заболевания, требовала от болеющего ограничений в его повседневной деятельности. Считалось, что страдающему

органу необходим щадящий режим, его следовало беречь от перенапряжения: *Если глаз заболел – придержи свою руку, если живот заболел – воздержись от пищи / Ковзинъ авырса, колынъ тый, ишинъ авырса, авызынъ тый* (IV: 334). Болезнь влияет на физическую активность человека, буквально «выбивает из седла», меняет его образ жизни и заставляет лечь: *Болезнь с лошади свалит / Авырув аттан йыгар* (IV: 333). Течение, форма болезни и последствия ее часто были несопоставимы, поэтому ногайцы могли сказать: *Вывих хуже полома, позор хуже смерти / Сыныктан мертек яман, олимнен корлык яман* (IV: 341).

Поскольку от болезней избавиться вообще было невозможно, то у ногайцев в ритуале общения было распространено пожелание более легкой болезни: *Пусть твоей зимой будет туман, а болезнью – насморк / Кысынъ туман болсын, маразынъ тымав болсын* (IV: 334). Часто использовалось и такое выражение: *Болезнь, не угрожающая мне смертью – мне больше по душе / Янымды алмаган мараз – яным ды* (IV: 334). Без причины имитировать болезнь считалось опасным, такие действия могли навлечь недомогание: *На здоровую голову не повязывай платок / Авырмаган баска явлык байлама* (IV: 347).

В ногайских пословицах было подмечено, что болезнь приходит со стороны и может появиться после совершения торговой операции. Подобное наблюдение небезосновательно, если вспомнить, что эпидемия «черной оспы» в середине XIV века на Руси и в Золотой Орде распространялась по торговым путям. Это приводит к появлению паремии в форме: *На здоровую голову – купленная болезнь / Сав баска – сатлык мараз* (IV: 353).

В Средние века профессиональные врачи в России были недоступны для широких слоев населения, лечились народными средствами, травами, а в тяжелых случаях обращались к знахарям и зелейникам-травникам. Однако лечение знахаря не всегда помогало, оно было сопряжено с малопонятными действиями, которые настораживают как больного, так и здорового: *Зелье знати, по ночам не спати; Зелье собирают, звезды считают* (I:141). В этих пословицах находит отражение практика сбора лечебных трав, которые обладают максимальной исцеляющей силой только в определенное время суток, в основном ночью. Зелье может угрожать здоровью, с ним надо уметь обращаться, оно амбивалентно, «злое зелье» сильнее «здорового зелья» (I: 142, 205, 291, 442; II: 57). Если зелье помогало, то это было большое счастье: *Цельбоносное зелье – дарование велие* (I: 446). Считалось, что *На всякую болезнь зелье вырастает* (II: 57).

Необычно, но у степных жителей практически отсутствуют поговорки и пословицы, связанные с использованием трав в качестве лекарственных препаратов. О том, что фитотерапия исцеляет и лечебные травы применялись (а это – несомненно),

можно косвенно судить только по метафорической паремии: *Тулпар лечится собственными копытами / Тулпардынъ оъз туягыовъзине эм* (IV: 340).

Амбивалентность явлений, отношений, предметов, вещей окружающего мира в пословице рассматривается как природная закономерность, поэтому человек не должен доверять только внешним, явным признакам и характеристикам. Вкус лекарства обманчив, поэтому не следует полагаться только на вкусовые ощущения. На Руси в старину говорили: *Вкусен, как мышьяк* (II:13); *Горестъ полыни лечит, а сладость мышейка увечит* (II:18). Поскольку все лекарства на вкус, как правило, не очень приятны, но полезны, – эта взаимосвязь нашла отражение в виде речений: *Противным лечат, а приятным часто губят* (II: 46). По народным представлениям подобное лечат подобным, согласно древнему правилу – *Malum malo medicari*: *Лихое лихим избывают, а доброе добрым наживают* (I:205). Скорое лечение также вызывает подозрение и недоверие: *Скорость нужна, а поспешность вредна; Скоро не бывает споро, а не скоро, да здорово* (I: 372).

Тема лекарств и их свойств практически не нашла отражения в ногайской паремиологии. Например, о змеях как источнике опасности больше паремий в русском, чем ногайском фольклоре. Русская пословица отражает особую опасность змеи, укус которой и здорового человека может свести в могилу: *Змия жалит не для корысти, а для болезни; Змея хоть и умирает, а все зелье хватает* (I: 144). Змея для ногайцев, ведших кочевой образ жизни и передвигавшихся на конях, менее опасна: *Кто летом испугался змеи, тот зимой боится аркана / Язда йыланнан корккан, кыста арканнан коркар* (IV: 360).

Недоверие к врачам было широко распространенным предубеждением, и для этого, вероятно, были веские основания, что получило отражение как в русских, так и ногайских пословицах. Мнения врачей по поводу болезней не совпадали. *Сколько людей, столько и лекарей* – гласит русская пословица (I:370). Про неумелого лекаря, усугубившего болезнь, выражались еще сильнее: *Чирей вырезал, да болячку вставил* (I: 453). Заболевшему, при неумелых врачах, приходилось уповать только на Бога: *Аще бы не Бог, кто бы нам помог* (II: 8). Довольно быстро в алфавитные собрания пословиц и поговорок входят высказывания об аптеках, в XVII–XVIII веках учреждениях довольно редких и доступных преимущественно только состоятельному городскому жителю. В народе были распространены представления, что иноземные доктора и аптекари по большей части шарлатаны: «Дохтур совет свой дает и приказывает, а сам тому неискусен; а лекарь прикладывает и лекарством лечит и сам ненаучен; а аптекарь у них у обоих повар» [9]. Обращение в аптеку не могло продлить жизнь, поскольку считалось, что срок жизни человеку предопределен

свыше: Аптека не на два века, и даже Аптека убавит на полвека (I: 5), т. е. приведет к быстрому концу.

Народная медицина у ногайцев была более примитивна. Среди ногайцев практически до XX века бытовали заговоры (*арбау*), заклинания (*шуклау*), ритуальные проклятия (*каргыс*), пожелания блага (*алгыс*). Ими занимались колдуны (*яды*), чародеи (*саварши*), прорицатели (*сыниши*), знахари (*кагымши*), ворожеи (*балши*) и др. [10].

В ногайском обществе болезни лечили знахари, но отношение к ним недоверчивое и ироничное, как и к муллам, что отражало в целом один из стереотипов народного мировосприятия к этой социальной группе, независимо от того, было общество оседлым или кочевым. Вот наиболее яркие из подобных максим: *Если я не болен, зачем же мне аллах? / Авырмасам аллады не этейим?* (IV: 324); *Если в стране нет больных, заболевает знахарь / Эде аманышылык болса, элиши авырап* (IV: 326).

Сознание русского человека все-таки было более религиозным, поэтому отрицается не Бог, а только врач: *Здоровому врач не надобен* (I: 141), *Здравы врача не требуют* (II: 25).

В сравниваемых пословицах отражается вечная тема соотношения богатства и здоровья, которая и в русской, и ногайской паремиологии получает однозначное разрешение – в пользу здоровья. Богатство не помогает излечить больного: *Больному и золотая кровать не поможет* (I: 12). У обоих народов было устойчивое понимание того, что здоровье и богатство – антиподы: если есть одно, то нет другого, и наоборот: *Дал Бог здоровье, да денег нет* (I: 83). Здоровье – самая большая ценность, оно «всего дороже», ему «цены нет», его «не купишь», оно «дороже богатства». По русской пословице, здоровье можно оценить только после перенесенной болезни: *Тот здоровья не знает, кто болен не бывает* (III: 136).

Однако телесное здоровье человека и богатство в картине мираномада приобретает форму противопоставления двух оппозиций: богатого / толстого и бедного / худого, а также движения и покоя. При этом крайние формы того и другого качественного состояния одинаково смертельны для человека: *Худой человек умирает от размышлений, а толстый с жиру / Арык ойдан оьлер, семиз майдан оьлер* (IV: 314). Зависимость здоровья от подвижности наглядно иллюстрируется поговоркой: *Бедняк умрет, когда он ляжет, а богач, когда побежит / Ярлы ятса оьлер, бай ювырса оьлер* (IV: 338). У русских считалось, что недомогания и хвори следует, по возможности, переносить на ногах, избегая постельного режима: *Тому не надобно ложиться, кто хочет от болезни освободиться* (I: 399).

Полезная для здоровья формула умеренности во всем должна была приближаться к правилу «золотой середины». Поэтому бедняк может быть богаче любого богатого, хотя иногда и не подозревает об этом (*Богатство бедняка – его крепкое*

здоровье / Ярлыдынъ байлыгы – деннинъ савлыгы. – IV: 334). Жизнь дорога любому человеку, поэтому и Душа больного человека дорога хозяину / Авырув ян иесине таьтли (IV: 233). Человеку следует приложить все усилия, чтобы жить как можно дольше: *Хоть обернусь половиной овчины, но поживу на этом свете / Ярты тери ябынсам да, сосы дуньяда юрейим* (IV: 321). Но избежать болезни, прожить не болея, было практически невозможно, и это наблюдение резюмировала пословица: *В самом лучшем фрукте заводится червь / Емистинъ ийгисине курт туьсер* (IV: 358).

В русских пословицах более широко представлены максимы, отражающие санитарно-гигиенические нормы повседневного быта, во многом обусловленные оседлым образом жизни и климатом; речения подобного типа практически отсутствуют в ногайском паремиологическом фонде. Это касается прежде всего банного дела, которое использовалось на Руси как метод гигиены и лечения. Баня позволяет человеку как бы заново родиться, снимает все хвори: *Баня – вторая мать* (I: 8) В пословицах и поговорках находится место и для предметов личной гигиены, в частности, мыла: *Мыло серо, да моет бело* (I: 237).

Место, в котором жил человек, могло также оказывать влияние на самочувствие человека, и не всегда там, где внешне благополучно, было безопасно жить. Пословицы гласят: *Хоть веселы хоромы, да не очень здоровы* (I: 436); напротив – *Хотя бы изба елова, да сердце здорово* (I: 439). Для русского человека, ведущего оседлый образ жизни, смена времен года не представляла большой угрозы для здоровья. Иначе сезонность воспринимали кочевники. Наиболее опасным временем года для них была зима, поэтому в оценке температурных максимумов предпочтение, естественно, отдавалось лету. Именно с этим сезоном связывались у ногайцев представления о «крае», максимальном комфорте и благополучии для человеческого тела: *Лето – рай, зима – день страшного суда / Яз еннет, кыс киямет* (IV: 346), но, *Если ветер дует со стороны Яика, то и лето подобно зиме / Яйык беттен ел эссе, яз болса да кыстай коьр* (IV: 346). И тогда ничего не оставалось делать кочевнику, приходилось надевать шубу, утепляться: *Жар костей не ломит, холод не даст душе покоя / Йылы суьек сындырмас, суьык янды тындырмас* (IV: 358). Исцеляющей силой всегда было для кочевника возвращение на родину: *Земля родины – рай, а ее вода шербет / Тувган элдинъ ери – еннет, сувы – сербет* (IV: 301). У русской паремиологии нет представлений о родине, излечивающей от всех болезней, но зависимость заболеваний от характера местности прослеживается: *В иной волости лихие болести* (I: 52). Холод же, напротив, рассматривался как фактор способствующий здоровью: *В зимний холод всякий молод; Держи голову в холоде, живот в голоде, а ноги в тепле* (III: 136).

Лечебные свойства растений, продуктов питания слабо отразились в русских, а тем более

ногайских пословицах. Русские поговорки указывают на лечебные свойства овощей, присутствующих в повседневной пище простого народа: *Лук добро и к бою и во штях* (I: 208); *Сурово зелье хрен, да редька* (I:388); *Чеснок да редька, на животе крепко* (I:452). Особо ценилось в снадобьях и пище для больного коровье масло, что нашло отражение в поговорке: *Масло коровье едят на здорovie* (I: 219). Для женского здоровья особо полезным считался мед: *Цвет пчелкам, а мед женкам* (II: 58). В русских поговорках голод предпочтительнее сытости; переизбыток мог стать причиной кишечных расстройств: *Много яства, да брюха жаль* (I: 226). Было распространено мнение, что простая, и даже аскетическая пища, способствует здоровью и долголетию: *Прадеды кушали просто, да жили на свете лет до ста* (I:338); *Цельба голодному – хлеб с водою* (I: 446). Православные посты могли провоцировать обострение желудочно-кишечных заболеваний – *Зачал говеть, да стало брюхо болеть* (I: 138), – но не осуждались; в целом пока человек жив, он нуждается в питании: *Рот болит, а брюхо есть велит* (I: 355).

Религиозные нормы Ислама, в том числе и пищевые запреты, воспринимаются как отягчающий фактор повседневной жизни у части ногайцев: *Не соблюдают поста, не молятся богу – счастливый народ Джембойлуки / Оразасы йок, намазы йок, оньган авыл жембойлык* (IV: 325). Так назывались ногайские объединения, кочевавшие с XVI века по реке Эмбе (Джем), впадающей в Каспийское море. Заболевание, как и излечение от болезни, тесно связывалась с отказом от пищи или ее приемом. Болезнь представлялась как враждебное и поглощающее человека начало, а сам ход болезни сравнивается с трапезой, только ест не человек, а, напротив, поедает его: *Кто ест мало, тот съест без остатка / Аз ашаган, таза ашар* (IV: 333).

Излечение от болезни у ногайцев сопровождается приемом блюд традиционной народной кухни, – например, шурпы: *Мясо к мясу, бульон к лицу / Эт этке, сорпа бетке* (IV:334). Но в еде рекомендуется умеренность и самоограничение: *Ненасытное горло доводит до разорения, а ненасытный аппетит – до унижения / Яман тамак ярлы этер, яман непси кор этер* (IV: 343). В целом же – воздержание в пище и путь к здоровью, и одновременно правило хорошего тона: *Если котел с пищей будет открыт, то и собака должна иметь совесть / Казан авызы ашык болса, ийтке де намыс керек* (IV: 317).

Боль в пословицах является главным вестником болезни, только почувствовав ее, больной начинает искать врача: *Боль врача ищет; Боль без языка, да сказывается*. Боль и сам организм человека подсказывают, что и как лечить, поэтому *Больного брюхо умнее докторской головы* (I: 19). Болезненное состояние охватывает человека, и его сознание полностью концентрируется на

ощущении своего недомогания, поэтому считалось: *У кого что болит, тот об том и говорит*, но *Чужая рана не болит* (II: 59). Действительно, *Каждому своя болезнь тяжка* (I: 160). Эмоциональная отчужденность больного и здорового, когда здоровый не принимал близко к сердцу страданий больного, переживалась в обществе, что нашло отражение в выражении: *Не всякому болезнь чужая по сердцу входит; не всякова печаль чужая в жалость вводит* (I: 266) На место, где ощущается боль, обычно указывают рукой: *Где больно, тут рука; а где мило, тут глаза* (I: 62) Правда и глазам становилось в иных случаях больно: *У кого в очах порох, тому и боля* (I: 413). Протекание болезни всегда связывается с неприятными соматическими ощущениями, нашедшими отражение в правилах: *Как бы не кололо, так бы и не болело* (I: 164); *Где наболело, там не тронь* (II: 137).

Как отмечается в русских пословицах, у заболевшего обостряются все чувства, он становится немощен, беспомощен, превращается в обузу для окружающих, мешает в полной мере выполнять хозяйственные занятия; особо тяжело становится в семье, когда заболевает жена (I: 253) или дети (I: 141). Согласно народным наблюдениям, детские болезни обычно преодолевались к моменту достижения двадцатилетия. Если человек продолжал и после этого срока часто болеть, то это было признаком хронического недуга, который мог сопровождать болящего всю оставшуюся жизнь: *Кто в двадцать лет нездоров, в тридцать неумын, а в сорок небогат, тому век таким не бывать* (I: 185) – таков был крестьянский приговор. Особенно тяжелы для лечения внутренние и застарелые болезни (I: 132, 137). В средневековых обществах всегда была высокая смертность женщин, особенно в послеродовой период. Родовая горячка была причиной почти половины смертей женщин в фертильном возрасте. Подобную ситуацию отражает пословица: *После родов женщина девять дней во гробу стоит* (I: 334). Для народных представлений были малопонятны женские заболевания, поскольку они были внутренние: *Женские немочи догадка лечит* (II: 23). Роды принимались бабками-повитухами (II: 47). Однако в пословицах ногайцев, принадлежавших миру исламской культуры, тема женских болезней не находит отражения.

В русских пословицах широко представлена тема причинности заболеваний, некоторые из болезней, согласно апокрифической традиции, проникали в человека через отверстия в теле, и одним из мест, через которое в тело входила болезнь, являлся рот: *Ртом болезнь входит, а беда выходит* (I:355). Но пока человек жив, он должен надеяться на выздоровление, поскольку: *Живая кость мясом обрастет; а труд помогал забыть недомогания и перетерпеть их: Когда б взялся за дело, так бы и брюхо не болело* (I:122). В крестьянских и посадских семьях тяжелый труд часто становился

причиной возникновения грыжи-килы. Некоторые виды грыжи, или опухоли, свидетельствовали о скорой вероятности летального исхода: *Знать по киле, что быть в могиле* (I: 146). Правда, получив грыжу, не следовало слишком мудрить при лечении, потому и говорили: *Нечего около килы мозгу искать* (I: 296).

В целом же, согласно христианской антропологии, причины всех заболеваний человека коренятся в его природном несовершенстве, вследствие грехопадения Адама и Евы: *Не может человек безгрешен быть в свой век* (I: 277). Смерти христианину бояться нечего, она неизбежна, поэтому пословица наставляет: *Не надобно смерти бояться, надобно злых дел опасаться* (I: 278); *Не убойся смерти, убойся грехов!* (I: 293); *Целение грешному – покаяние верное* (I: 446).

Признак приближающейся смерти – слабость и немощное состояние: *Придет старость, будет слабость* (I: 340). *Старость приходит не с радостью, но со слабостью* (I: 384), и ничто уже не приносит удовлетворения (I: 343). Таким образом, признаки старости и угроза близкой смерти всегда проявлялись в виде физической слабости. В пословицах отражается и цветовая символика старости / смерти: *Цветет старость сединою, а овощь (т. е. итог) ему смерть; Цвет старости – седина, а смерти – болезнь* (I: 445). Старость сама по себе не воспринималась как причина смерти, возраст подсчитывался всегда примерно, главным признаком завершения жизненного пути было проявление немощи, истощение жизненных сил человека: *Не старой умирает, а кто изнемогает* (I: 289). У ногайцев также усиление человеческих болезней связывается с возрастом: *Мужчина состарился, силы покинули его, а неприятности удвоились / Эр картайды – тимсч куьш тайды, экевледи солтаным* (IV: 334). Любопытно, что в роли «старого» в паремии выступает мужчина. Женщины умирали в более раннем возрасте, и эти гендерные различия оказались закрепленными в народной мудрости.

К смерти в России человек всегда относился как к фатальной неизбежности: *Два раза молодому не быть, а смерти не отбыть*, но смерть, как и жизнь, приходит только один раз: *Два раза не умирать* (I: 85). Смерть же без видимой причины воспринималась как своего рода несправедливость, нарушение естественного порядка вещей в этом мире: *Не горел, не болел, а умер* (I: 269). Но и это случай доказывал, что благополучные люди также смертны, как и остальные, менее удачливые в этой жизни. Завершение жизни земной народным сознанием воспринималась как заболевание с летальным и неизбежным исходом: можно было вылечиться от всех болезней, но не от смерти (I: 314), потому что *От смерти нет лекарства* (I: 317). Земная жизнь в русской паремической картине мира под влиянием христианской антропологии, воспринималась как временное состояние. После смерти человек вступал в жизнь вечную, ради которой он,

собственно, и испытывал все невзгоды земного существования: *Родился человек на смерть, а умрет на живот* (I: 354). В ногайской паремии тема смерти отражена слабо. Вообще, о мертвых и смерти у ногайцев говорит было не принято: *Когда говоришь о мертвых, радость живых убывает / Оьлиди айтсань, тиридинь татувы кетер* (IV: 353).

Тема болезни и тесно связанных с ней понятий «здоровье», «болезнь», «лечение», «смерть» и др. в целом периферийна для паремической картины мира русских и ногайцев, на что указывает довольно незначительный процент «медицинских» пословиц у этих народов в сравнении с общим количеством паремийных единиц в анализируемых национальных пословично-поговорочных фондах. Но, несмотря на это, в русских пословицах о болезнях, по сравнению с ногайскими, шире представлены сюжеты о ценности здоровья как сакральном даре Бога человеку, названиях болезней, способах терапии, лекарственных средствах, эмоциональном переживании болезней, женских заболеваниях, роли труда в преодолении заболеваний. Народные размышления о смерти в русских пословицах и грехе, как первопричине заболеваний, во многом обусловлены православным мировоззрением и книжной традицией. Распад Золотой Орды, а затем «империи ногаев», неглубокие традиции письменной культуры и кочевой образ жизни, вероятно, сказались на дискретности накопления знаний в области ногайской народной медицины, вербальном преобразовании и закреплении этого опыта в паремиях. Хотя в пословицах отражаются элементы двух несхожих этнических миров – оседлого и кочевого – многие сравниваемые паремии содержат единый подход в утверждении главной экзистенциальной ценности – человеческой жизни и ее уникальности.

Литература и примечания

1. *Иллюстров И.* Жизнь русского народа в его пословицах и поговорках. Сборник русских пословиц и поговорок. М., 1915.
2. *Пушкарев Л. Н.* Духовный мир русского крестьянина по пословицам XVII – XVIII веков. М., 1994.
3. См.: *Mieder W.* «An Apple a Day keeps the Doctor away»: Traditional and modern aspects of English medical proverbs // *Proverbium*. 1991. Т. 8. P. 77 – 106.
4. См.: *Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII–XX веков.* М.-Л., 1961.
5. *Снегирев И.* Русские народные пословицы и притчи. М., 1848. Далее ссылки на пословицы из этого издания приводятся в тексте в круглых скобках с указанием римского номера (I) и страницы; *Пословицы народные, собранные по алфавиту.* Публикация А. И. Германовича // *Из истории русской фольклористики* / отв. ред. А. А. Горелов. Л., 1978. С. 3–63. Далее ссылки на пословицы из этого издания приводятся в тексте в круглых скобках с

указанием римского номера (II) и страницы; Избранные пословицы и поговорки русского народа / сост. Н. П. Колпакова, М. Я. Мельц, Г. Г. Шаповалова. М., 1957. С. 136–137. Далее ссылки на пословицы из этого издания приводятся в тексте в круглых скобках с указанием римского номера (III) и страницы.

6. Даль В. И. Пословицы русского народа. Сборник пословиц, поговорок, речений, присловий, чистоговорок, прибауток, загадок, поверий и пр. М., 1904. Т. I–III.

7. См.: Труды Черкесского НИИ. 1954. Вып. 2. С. 323–326.

8. Пословицы и поговорки народов Карачаево-Черкесии. Оригинал и перевод на русский язык / сост. Р. А.-К. Ортабаева, М. И. Мижаев и др. Черкесск, 1990. С. 301–360. Далее ссылки на пословицы из этого издания приводятся в тексте в круглых скобках с указанием римского номера (IV) и страницы.

9. Мирский М. Б. Медицина в России XVI–XIX веков. М., 1996. С. 22.

10. Трепавлов В. В. «Орда самовольная»: Кочевая империя ногаев XV – XVI веков. М., 2013. С. 174.

A. S. MALAKHOVA, S. N. MALAKHOV. POPULAR IDEAS OF AN ILLNESS IN THE RUSSIAN AND NOGAY PROVERBS OF THE XVII–XVIII CENTURIES AS REFLECTION OF SPECIFICITY OF AN ETHNIC WORLD PICTURE

There is given comparative analysis of Russian and Nogay paremies expressing the valuation aspects of the concept «illness». There are considered the similarities and differences in the interpretations of the given concept in the Russian and Nogay paremic and ethnic world pictures.

Key words: perception of an illness, paremy, Russian and Nogay proverbs, ethnic world picture.

С. Ю. ПАЛЬГОВ

«ДО НОГИ ПРИВЯЗАЛА ЧУРБАК И ДЕРЖУ, НЕ ОТПУСКАЮ»: СЛАВЯНСКАЯ «КОЛОДКА» В ОБРЯДОВОЙ КУЛЬТУРЕ УКРАИНСКИХ СЕЛ ВОЛГО-ДОНСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ

В статье приводится описание зафиксированного у украинцев междуречья Волги и Дона древнейшего славянского масленичного обряда – «колодку тягали» («колодку вязали»).

Ключевые слова: Волго-Донское междуречье, украинцы, Масленица, «колодку тягали».

Масленичные обряды сельского населения междуречья Волги и Дона, как часть календарной обрядности, изучены недостаточно и представляют значительный интерес. Важную информацию по данной теме можно почерпнуть в трудах историков и этнографов XX вв. Б. А. Рыбакова, Т. А. Агапкиной, В. К. Соколовой, Г. Д. Астапенко и др. [1]. Личные беседы, интервью с сельскими жителями нижеволжских украинских сел стали источниковой базой для написания статьи. Календарным и семейным обрядам малороссов Поволжья посвящено несколько ранних публикаций автора [2].

Анализ полевых материалов показал, что жители малороссийских сел широко справляли масленицу: возводили карусели, наряжались в лучшие одежды, катались с гор, ездили на лошадях. «На Масленицу у нас было всегда катание. Карусель делали на столбу. Ставили столб, на столб ставили колесо. От этого колеса вот тросы протягали и внизу делали скамеечки. И вот этот начинает одного человека только крутнёт, а колесо-то начинает крутиться. И начинают все крутиться, и потом мы их подталкиваем. Потом на маслину делали такие: ось из фуры зарывали в землю, и одедали сверху колесо деревянное на эту ось, и

привязывали жердь метров шесть-восемь. И к этой жерди привязывали санки. И вот на санки ложишься, а человек пять крутит эту жердь. И они пошли крутить. Держишься. А бывает, не удержишься, а как только отпустишь эти санки и тебя ветром как сдует с них. Это для ребятишек игра была. А взрослые вот парубки, девки запрягали хороших лошадей, цветы на лошадях вот. Украшали всю сбрую. Сами хорошо наряжались и катались на лошадях по селу с колокольчиками, чтоб все видали у кого лучший конь» [3]. «В понедельник так «разваруха» начинается, а среда, четверг, пятница – «полный разгул». Ну, как бабушка рассказывала, що ее сыны все на гармошке играли. Обязательно одна гармошка пропадэ. Они в «разгул» любили. Запрягают лошадей, готовят сани-розвальни. Мы человек шесть садимся на них и где-нибудь поломаем. Прокатятся там. Кто заложит трошки самогони из бурьки звариннаго и все» [4]. Устраивали «вечерницы» (танцевальные вечеринки местной молодежи). Зятья приезжали к тещам. На «прошенный день» совершали ритуальный обход родственников, выпрашивая прощение за нанесенные в течение года обиды. Обряд сжигания чучела не зафиксирован. Всю неделю малороссы пекли блины, олады, «оришки», «крэндэли»,